

КНИГА И.А. БУНИНА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТОЛСТОГО»

К проблеме религиозного мировоззрения Бунина

Самым высоким авторитетом для Бунина на протяжении всей его сознательной жизни был Л.Н. Толстой. Их знакомство произошло в 1894 г., в самом начале творческого пути Бунина, который совпал с его первым духовным самоопределением. Увлечение толстовством в Полтаве, бывшее годом ранее, вскоре разочаровало его, да и сам «учитель жизни» при встрече стал отговаривать молодого Бунина «опрощаться». Но разочарование в толстовцах не помешало боготворить самого Толстого. Влюбленность в гениального художника, – разумеется, доминирующее чувство. Но рядом с ним – трепетное отношение к Толстому как учителю жизни, мыслителю и философу, которое Бунин выразил полнее всего в позднем философско-критическом и биографическом произведении «Освобождение Толстого» (1937). В 1938 г. он писал своей знакомой М.В. Карамзиной: «Что общего у меня с Толстым? Он очень, очень близок мне не только как художник и великий поэт, но и как религиозная душа»¹. Множество узких взглядов на личность и деятельность Толстого (частью сформированных самим писателем) побуждают Бунина выразить собственное отношение к нему. По замечанию Л. Галича, «Бунину так трогательно хочется обелить Толстого от собственной его клеветы на самого себя, что он даже кое-где переборщил в своем апологетическом усердии»².

Толстой занимает у Бунина место в ряду крупнейших религиозных мыслителей, ассоциируется с библейским пророком. Его путь – путь Иова, Будды, даже Сына Человеческого. «Поэты, художники, святые, мудрецы, Будда, Соломон, Толстой» (6, 58) – все они несут частичку неземной мудрости и неразрывно связаны с Всебытием. Это особенно привлекает в них

Бунина. Бытие «неописуемо», несказанно и поэтому, по мысли писателя, пророчествовать о нем может только носитель трансцендентного чувства.

Толстой для Бунина – редкий, «вырождающийся» тип человека, обладатель «прапамяти», острой наблюдательности, выразитель трагизма, скрытого для многих, но неустанно мучающего людей с «обостренным ощущением Всебытия» (6, 58). Бунин делает особый акцент на «зоологичности» Толстого, тем самым подчеркивая его близость к первоначалам бытия.

Но «Освобождение Толстого» значимо не только проникновением в мир «героя» произведения, но во многом характеризует нравственные идеалы и духовные искания самого автора сочинения.

Любовь к земной жизни, упоение ею, присущие обоим писателям, сталкиваются со страшной и неотвратимой проблемой смерти. Как и у Толстого, проблема жизни и смерти в их философском восприятии – ключевая у Бунина, она присутствует на протяжении всего его творчества: «Я именно из тех, которые, видя колыбель, не могут не вспомнить о могиле. Поминутно думаю: что за странная и страшная жизнь наше существование – каждую секунду висишь на волоске! Вот я жив, здоров, а кто знает, что будет через секунду с моим сердцем...»³.

Вместе с тем мировосприятие писателя соединяет противоположные аспекты – трагический и оптимистический. Смерть у Бунина «неразрывно сопряжена с жизнью» и враждебна ей, преследуя живущих «неотступным ужасом»⁴, но при этом он «считает характерной чертой творческой личности стремление к преодолению своей ограниченности временем и пространством, жажду растворения в бесконечности»⁵. Эта двойственность по-своему гармонична. В сознании писателя «полярности сосуществуют, не только не теряя своей определенности, <...> но взаимно усиливая присущую им яркость»⁶.

Обращение Бунина к жизненному и творческому пути столь почитаемого им Толстого – это надежда разрешить собственные мучительные вопросы о смысле бытия и преодолении смерти. По замечанию Г.Б. Курляндской, «содержание идейно-эстетической позиции Бунина мы поймем с большей глубиной и определенностью, если вспомним «привычку» Бунина выражать себя через Толстого, пользоваться его философской терминологией»⁷, что наиболее отчетливо сказалось в его книге о Толстом и на что не раз указывали и другие исследователи.

Акцент на проблеме смерти, еще усилившийся в позднем творчестве Бунина, вызвал особое внимание писателя к религии. Из различных представлений о Боге и смысле жизни толстовский взгляд оказался более близок ему.

Бунин рассматривает Толстого, в первую очередь, под знаком его отношения к смерти. С одной стороны, смерть как «освобождение» представлена в качестве мерила, выявляющего подлинную сущность жизни человека, с другой стороны – как «освобождение», в конечном счете, от смерти буквальной, смерти как таковой.

Драматическое восприятие Толстым антиномичности жизни – в поле зрения Бунина. Он пишет о Толстом, «тайновидце плоти»: «В том-то и дело, что никому, может быть, во всей всемирной литературе не дано было чувствовать с такой остротой всякую плоть мира прежде всего потому, что никому не дано было в такой мере и другое: такая острота чувства обреченности, тленности всей плоти мира, – острота, с которой он был рожден и прожил всю жизнь» (6, 119).

Антиномичность толстовского взгляда на жизнь и конечная неразрешенность проблемы бытия при глубоком в нее погружении вполне отвечают бунинским исканиям. И он, и Толстой – это люди, «одаренные великим богатством восприятий, полученных ими от своих бесчисленных предшественников, чувствующие бесконечно далекие звенья Цепи». Они

счастливы, но раздвоены: «<...> мука и ужас ухода из Цепи, разлука с нею, сознание тщеты ее – и сугубого очарования ею» (6, 50). В этих словах – одна из основных сторон мировоззрения Бунина.

Но с ужасом потери земной жизни соединяется и страстное желание освобождения от земного страдания. Соприкосновение с иным миром вызывает в душе стремление «к чему-то высокому», тому, что Бунин отмечает у Толстого, который, например, в лице своего автобиографического героя испытал «какое-то высокое, неизъяснимо приятное и грустное наслаждение» у гроба матери (6, 153).

Жизнь Толстого, представленная в «Освобождении», – это постепенное преодоление страха смерти, на которое способна лишь гениальная личность. Но с гениальностью, по Бунину, связано и особое предопределение к страданиям. Основу бунинского произведения составляет «обреченность Толстого на уход из жизни»⁸. «Обреченность» Толстого на страдания – обреченность гения, обреченность святого – необыкновенно привлекательны для Бунина. Он придает своему повествованию черты жития⁹. Грехи Толстого в бунинском понимании – грехи святого, способного избавиться от них страданием и самоуглублением. До боли знаком Бунину и ключевой вопрос «пророка»: «Как мне спастись? Я чувствую, что погибаю, люблю жизнь и умираю – как мне спастись?» (6, 49). В поисках ответа «пророк» Толстой продолжает жить, просто жить («Я люблю мою жизнь – семью, хозяйство, искусство» – 6, 49) и как бы жизнью своей отвечает на тяжелый вопрос. Но в конечном счете спасение – только в освобождении от нее. Этот резко усилившийся в конце пути писателя поиск «освобождения» рассматривается Буниным как выстраданное высшее понимание жизни: «Для Толстого не осталось в годы его высшей мудрости не только ни града, ни отечества, но даже мира; осталось одно: Бог; осталось «освобождение», уход, возврат к Богу, растворение – снова растворение – в нем» (6, 21).

Но и все предшествующее бытие писателя формировало, по Бунину, эти устремления: бегство от жизни к «освобождению», постоянную борьбу с нею, страдание мятущейся души в поисках успокоения.

В сочинении о Толстом границы «освобождения» расширены до предельно возможных: «Освобождение от чего? От яснополянской обстановки, от семейных неладов? От всего того, что составляет предмет психологизирующих или морализирующих биографов? Нет, от Смерти»¹⁰. От «лица» Толстого Бунин формулирует его *credo* последних лет: «Отец, избавь меня от этой жизни! Отец, покори, изгони, уничтожь мою поганую плоть! <...> – то есть: дай мне до конца победить смерть, властную над плотью, до конца изжить свою материальность – до конца «освободиться», слиться с тобой!» (6, 120).

Можно предположить, что за отстаиванием глубокой религиозности Толстого в бунинском сочинении кроется стремление самого автора защитить и себя от упреков в безрелигиозности. Об отпадении Бунина от истинной религии наиболее категорически писал известный православный мыслитель И.А. Ильин в своей книге «О тьме и просветлении». Книга вышла в 1959 г., т.е. шесть лет спустя после смерти Бунина. Но уже в 1930–1940 гг. Ильин широко читал в эмиграции – и частью публиковал – лекции о творчестве русских писателей XIX–XX вв. (в том числе, отдельную лекцию о Бунине – в 1934 г.), некоторые из которых легли в основу его книги¹¹.

В этом смысле красноречива настойчивая полемика автора «Освобождения» с М. Алдановым и В.А. Маклаковым, опровергающая их утверждения о безрелигиозном Толстом, особый акцент на ней. Здесь снова, надо думать, сильно сказалось личное писателя, собственно «бунинское».

Так, Бунин обращает особое внимание на слова Маклакова о принадлежности Толстого к позитивизму. При этом писателя задевает отождествление Маклаковым «не признающего Христа Богом» с «неверующим»:

«Церковь утверждает, что мы бессмертны? Но и Толстой непрестанно говорил о бессмертии. <...> Он не видел в Христе Бога? Но есть ли это «обычное воззрение неверующих»? Есть ведь миллионы не-христиан, миллионы не признающих Христа Богом и, однако, верующих» (6, 141–142). Бунин, несомненно, демонстрирует здесь и собственное восприятие «религиозности», понимаемой им в самом широком смысле. Характерна также выдержка из Алданова, касающаяся отношения Толстого к загробной жизни: «“В будущую жизнь он верил плохо”, – говорит Алданов. И приводит его собственные слова: “Как-то спросил себя: верю ли я? И невольно ответил, что не верю в определенной форме...”» (6, 172), из чего Алдановым и сделан был, по мнению Бунина, некорректный вывод о неверии Толстого. Между тем речь шла о некой «общей» вере, вере не в «определенной форме». Именно такого рода вера наиболее привлекала Бунина.

* * *

Особый тип толстовской религиозности был во многом близок Бунину и отказом от собственно мифологического содержания тех или иных религиозных учений в пользу религиозно-нравственной проблематики, и – как следствие подобного взгляда – своеобразной «надконфессиональностью».

Подобная «надконфессиональность» была приметой времени, в той или иной мере присущей философско-неорелигиозному движению в России рубежа столетий. Одной из его важных составляющих явилась идея синтеза различных источников религиозной мысли. Рядом с основоположениями ведущих религиозных конфессий – многочисленные ответвления от них, в том числе, сектантские верования. Религия античного мира, неоплатонические и гностические идеи, разнообразная средневековая эзотерика, оккультизм... Пристальный интерес вызывала восточная мудрость.

Смещение этических и религиозных граней во многом дало место эстетизму и «бесконтрольной» связи с потусторонним миром. Как свиде-

тельствует В. Ходасевич, хотя и сгущая краски, в это время «можно было прославлять и Бога, и Дьявола. Разрешалось быть одержимым чем угодно: требовалась лишь полнота одержимости»¹². Мистика становилась в это время достоянием и массовой культуры, достоянием моды.

При явном отмежевании Бунина от литературных лагерей и нелюбви к модернистам, внутренний склад его творческой личности был глубоко созвучен «серебряному веку». Для бунинского мировосприятия также характерно стремление к синтезированию религиозных источников, которому свойственны своеобразно «экуменические» (но не в конфессиональном смысле) устремления.

Важное место в системе духовных ценностей эпохи занимала концепция «всеединства» В.С. Соловьева, утверждавшая синтез идеально-надмирного и материально-земного. Концепция Соловьева в целом чужда Бунину, для него неприемлем приоритет отвлеченно метафизической мысли. Но в отношении экуменических взглядов философа и, особенно, в понимании им одухотворяющей мир Красоты как «телесно воплощенного» (слова Соловьева) идеала у Бунина и Соловьева обнаруживаются любопытные точки соприкосновения.

Оставаясь в рамках православия, Соловьев создает своеобразную «универсальную» концепцию христианства, вкладывая в понимание христианского Бога содержание Абсолюта пантеистической философии¹³. Свойственное Соловьеву стремление к синтезу выразилось в идее примирения православия и католицизма, а затем и христианства с иудаизмом. Эта, по существу, экуменическая возможность видеть во многих религиях общее, несомненно, была близка и Бунину.

Пантеистически окрашенный пафос освящения земного бытия, важный для философии Соловьева, также находил значительный отклик и у Бунина, но его собственно художественное творчество в гораздо большей

степени отвлекалось от «надмирных» объяснений (в отличие от неорелигиозной философии).

Соприкосновения Бунина с Толстым – религиозным искателем – в известных отношениях аналогичны. И это – одно из немаловажных свидетельств о сближающих самые разные пути мысли тенденциях, зародившихся еще в литературном процессе «серебряного века». «Этический экуменизм Толстого Бунину безразличен, – пишет А. Романович в цитированной статье, – его отношение к Льву Николаевичу основано на «синонимизме»: он выделяет и принимает в нем то, о чем можно сказать “мы”»¹⁴. Однако, на наш взгляд, именно эта, экуменическая, сторона толстовского мирозерцания оказалась особенно родственной бунинскому.

Характерно, что «Освобождение Толстого» начинается с цитаты, взятой из буддийской мудрости («Отверзите уши ваши: освобождение от смерти найдено» – б, 22) – этим как бы задается тон всему произведению. Близкое буддийскому восприятие жизни отвечает названию и является, по Бунину, доминирующим у Толстого.

Подобное восприятие захватило и Бунина, оставаясь вместе с тем достаточно сложным. Основные буддийские мотивы в произведениях писателя проницательно выявлены в исследовании Т. Марулло «“Если ты встретишь Будду...”»: Заметки о прозе И. Бунина». Но при этом возникает вопрос об отношении писателя к буддийскому учению, на который исследователь дает следующий ответ: «Бунин усвоил метод и принципы буддизма и сделал их, по сути, основой своей жизни и творчества»¹⁵. И более того, Т. Марулло приходит к выводу, что «Бунин обращается ко всем людям с вечным приглашением присоединиться к нему как последователю Будды в жизни»¹⁶. Однако вывод этот кажется нам чрезмерно категоричным.

Заметим, что в «Освобождении Толстого» (как и в других сочинениях) писатель соединяет буддийские и христианские взгляды. Буддийские мысли и цитаты он приводит раньше евангельских. Но при этом его глубоко привлекают многие стороны христианского учения, как и других религий, в которых, как и Толстой, он выделяет прежде всего философскую и нравственную стороны, полагая, что именно здесь возможны широкие обобщения на основе сближения духовных источников. Для Бунина важна религиозная древняя мудрость в ее совокупности, она служит опорой для постановки бытийных вопросов. Так, он обосновывает предсмертный поступок Толстого – уход из дома – словами буддийской мудрости: «Если вы будете поступать сообразно поучениям, то через малое время получите то, ради чего благородные юноши уходят с родины на чужбину, получите высшее исполнение священного стремления» (6, 22), а вслед за тем сразу же замечает, что «Христос тоже звал «с родины на чужбину»: «Враги человеку домашние его... Кто не оставит ради Меня отца и матери, тот не идет за Мной» (6, 22).

А в конце своего произведения Бунин приводит пасхальные слова св. Иоанна Златоуста: «Никто же да убоится смерти: свободи бо нас Спасова смерть...» и слова из пасхального канона преп. Иоанна Дамаскина: «Смерти празднуем умерщвление, <...> инаго жития вечнаго начало...», поясняя, что «так поет церковь, отвергнутая Толстым» (6, 172).

Рассматривая историю создания «Освобождения Толстого», Е.Р. Пономарев отмечает наличие в ранней редакции книги между двумя приведенными выше цитатами еще одной: «Верующий во Христа имать живот вечный». Ее отсутствие в окончательном тексте обусловлено, по мнению исследователя, тем, что она «не соответствует <...> основной идее книги: Толстой выше христианства – он равен Христу»¹⁷. Обращения к христианским источникам, наряду с буддийскими, знаменательны. Здесь вновь

предстает та особенность религиозных взглядов писателя, которую применительно к Толстому он назвал «верой вообще» (6, 172).

В книге Бунина именно сопоставление разных религиозных источников проливает свет на явление «освобождения», как оно понято Толстым.

Буддизм подразумевает полное растворение личности во Всеедином. Опираясь на это воззрение, как можно заключить из книги, Толстой сближал Христа с буддизмом. Писатель приводит слова Толстого: «Учение церкви о бессмертности личной жизни навеки закрепляет личность... А Христос звал жить не для своей личности...» (6, 166). Как итог таких раздумий, у Толстого возникают суждения о том, что «личность» «мешает слиянию моей души со Всем» (6, 29).

В этом контексте примечательна собственная позиция Бунина, как будто согласного с Толстым в его негативном отношении к личностному началу (так – в книге), что, тем не менее, вызывает сомнения и вопросы в сопоставлении с бунинским художественным миром, – и в том числе, того времени, когда писалась книга о Толстом. Ведь личностный пафос одушевлял все творчество писателя. Неизбывна жажда человека, пусть самого обыкновенного, «никому неведомого», запечатлеть свое «я», чтобы «хоть как-нибудь и хоть что-нибудь сохранить, то есть противопоставить смерти», «реке забвения»» (4, 448 – рассказ «Надписи», 1924). Герой рассказа «История с чемоданом» (1931), к примеру, воспринимает как «личность» даже неодушевленный предмет.

Самое впечатляющее воплощение личностного начала, разумеется, многие бунинские сочинения о любви. В 1937 г. – именно тогда, когда вышло в свет «Освобождение Толстого» – писатель начинает создавать рассказы, позднее составившие знаменитый цикл «Темные аллеи». В этом цикле с его культом чувственно-земного предстает, по словам Ф.А. Степуна (чье мнение о своем творчестве Бунин особенно ценил), «мистерия по-

ла», в которой слышится «подлинный дифирамб»¹⁸. С одной стороны, трагически просветленная «мистерия пола», с другой, любовь, от которой, как «сказал Возвышенный» (Будда), «все страдания этого мира, где каждый либо убийца, либо убиваемый» (4, 112 – рассказ «Братья») – таковы два полюса, в которых отразился внутренний диалог более широких начал мысли Бунина. Он шел на протяжении многих лет. Еще в 1916 г. в рассказе «Сны Чанга» возникал вопрос о буддийской мудрости – действительно ли она прекрасна или «совсем, совсем напротив»? (4, 222). А в рассказе «Ночь» (1925) сводятся два упомянутых начала бунинской мысли: «буддийская» жажда «раствориться, исчезнуть во Всеедином» (5, 408) с неопровержимой прелестью земного мира, щедро одаривающего личность своими благами – и герой остается их приверженцем. Отвлечься от ужаса смерти писателю позволяет буддийская идея «освобождения», но пока продолжается жизнь и способность чувствовать ее – пусть она радуется всеми своими возможностями.

В письме к Бунину М.В. Карамзина делилась впечатлением от «Освобождения Толстого»: «И страшно готовиться умереть для того, чтобы после смерти раствориться, чтобы влиться каплей в океан безличного «я», соединяясь с толстовским буддийским богом»¹⁹.

Но и для Толстого отказ от личности во имя «безличного «я» стал результатом мучительных внутренних борений. В этом веровании он окончательно утвердился, полагает Бунин, лишь «в последние свои годы» (6, 111). Для Бунина данный процесс протекал, по-видимому, еще сложнее и остался незавершенным. Знаменательно свидетельство В.Н. Буниной: «Ян верит, что существует нечто выше нас, но после смерти не будет личного воскресения, хотя он страстно желал бы этого»²⁰, из которого следует, что для Бунина «личное воскресение» явилось бы высшим благом.

Идея «освобождения» в духовном мире писателя – если иметь в виду общий контекст его творчества – до конца сохраняет свою антиномиче-

скую природу, присущую так или иначе всему религиозному мышлению Бунина. «Бунин не был буддистом, да и Бог Библии – не вполне его Бог, за всем этим кроется <...> глубокое сомнение, отчаяние, невозможность найти выход из противоречий и один универсальный ответ»²¹. И это в той же мере касается отношения Бунина к религиозно-философским исканиям Толстого, при всем пиетете перед ним.

¹ Литературное Наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 1. М., 1973. С. 670.

² Цит. по: *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1999. С. 10. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

³ Устами Буниных: В 3 т. Т. 1. Франкфурт-на-Майне, 1977. С. 98.

⁴ *Сливицкая О.В.* «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М., 2004. С. 112.

⁵ *Романович А.* Проблема жизни и смерти в «Освобождении Толстого» Бунина // Русская литература. 1996. № 4. С. 99.

⁶ *Сливицкая О.В.* Указ. соч. С. 53.

⁷ *Курляндская Г.П.* Авторская позиция И.А.Бунина в романе «Жизнь Арсеньева» // Бунинский сборник. Орел, 1974. С. 38.

⁸ *Бердникова О.А.* Личность творца в книге И.А. Бунина «Освобождение Толстого» // Царственная свобода. О творчестве Бунина. Воронеж, 1995. С. 80.

⁹ См. подробнее: *Романович А.* Указ. соч.

¹⁰ *Бицилли П.* Иван Бунин – Освобождение Толстого // Русские записки (Париж). 1938. № 4. С. 198.

¹¹ *Полторацкий Н.* Русские зарубежные писатели в литературно-философской критике И.А. Ильина // Русская литература в эмиграции: Сборник статей / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 272, 282.

¹² *Ходасевич В.* Некрополь: воспоминания. М., 1996. С. 22.

¹³ См. об этом: *Никольский А.А.* Русский Ориген XIX века Вл.С. Соловьев. СПб., 2000.

¹⁴ *Романович А.* Указ. соч. С. 99.

¹⁵ *Марулло Т.Г.* «Если ты встретишь Будду...»: Заметки о прозе И. Бунина. Екатеринбург, 2000. С. 23.

¹⁶ Там же. С. 248.

¹⁷ *Пономарев Е.Р.* О творческой истории книги Бунина «Освобождение Толстого» // Русская литература. 1998. № 1. С.118.

¹⁸ Письмо Ф.А. Степуна И.А. Бунину от 16 марта 1951 года // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 127.

¹⁹ Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 672.

²⁰ Устами Буниных: В 3 т. Т. 2. Франкфурт-на Майне, 1982. С. 138.

²¹ *Мальцев Ю.* Иван Бунин. Frankfurt / Main; Moskau, 1994. С. 213.